

К. М. СТАНЮКОВИЧ

КАЗАНСКИЕ ПРОСВЕДИТЕЛИ

Константин Михайлович Станюкович «Бесшабашный»

*OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 ноября 2002 года
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136850*

*К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х т. Том 2:
Издательство «Художественной литературы»; Москва; 1988*

Содержание

I	4
II	9
III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Константин Михайлович Станюкович «Бесшабашный» Из современных нравов

I

– А почему, позвольте вас спросить, я должен стесняться?

Ради чьих прекрасных глаз?

– Но известные принципы... правила...

– А если у меня нет никаких?

– Как никаких?

– Да так, никаких-с. Мой принцип: беспринципность.

– А боязнь общественного мнения? Страх перед тем, что скажут?

В ответ на эти слова мой сосед за обедом в честь одного почтенного юбиляра, бессменно и безропотно просидевшего на одном и том же кресле двадцать пять лет, – молодой человек того солидного и трезвенного вида, каким отличаются нынешние молодые люди, выстриженный по-модному, под гребенку, с бородкой а la Henri IV ¹, в изящном фраке,

¹ как у Генриха IV (фр.).

румяный от избытка здоровья и выпитого вина, – взглянул на меня, щуря свои серые, слегка осоловелые, наглые глаза, словно на человека, только что вырвавшегося из больницы «Всех скорбящих», с одиннадцатой версты.

– Вы из... из какой неведомой Аркадии изволили приехать? – насмешливо сказал он.

Он подлил в стакан кло-де-вужо, отпил не спеша несколько глотков с серьезностью человека, знающего толк в хорошем вине, и продолжал слегка докторальным тоном своего мягкого и нежного баритона:

– Я, милостивый государь мой, боюсь только своего патрона. Одного его боюсь и никого больше!.. Вы знаете Проходимцева? Нет? Вон, наискосок сидит, рядом с худощавым седым стариком и, верно, заговаривает ему зубы, такой приземистый и широкоплечий пожилой господин, с пронизывающими маленькими глазками, лысый, в очках... Видите?

– Вижу.

– Ну, вот это и есть мой патрон. Слышали, конечно, о нем?

– Слышал...

– Это замечательный человек. Был когда-то приходским учителем в каком-то захолустье, а теперь председатель трех правлений, учредитель многих предприятий, общественный деятель, меценат, филантроп и ко всему этому, разумеется, продувная бестия, стоящая, выражаясь языком янки, двух миллионов. Нынче он сыт и потому позволяет себе роскошь быть честным человеком и преследовать злоупотребления.

Он больше уже не получает промесс, не рвет процентов с заказов, не пишет дурых отчетов, не устраивает общих собраний с подставными акционерами и не играет на бирже. Он проповедует теперь экономию и воздержание; как бывший искусный вор, отлично ловит неискусных воров, пишет записки о народном благосостоянии, называет себя патриотом восемьдесят четвертой пробы и по воскресеньям ездит в Лавру помолиться о своих грехах...

– Однако ваш патрон...

– Весьма большая умница! – с авторитетом и видимым сочувствием произнес молодой человек. – *Un homme a tout faire...*² Знает где раки зимуют и умеет влезть куда угодно. Голова золотая.

– Отчего же вы его боитесь?

– Наивный вопрос! Причина простая: Проходимцев может выгнать меня из своего правления, как только придет ему в голову эта глупая фантазия...

– Но такая фантазия не приходит?

– Положим, Проходимцев ко мне благоволит и даже верит... На всякого мудреца довольно простоты... верит в мою преданность, как я верю в свои шесть тысяч жалованья и две ежегодной награды. Положим, я работаю много: сижу целый день в правлении и по вечерам правлю литературные произведения Проходимцева... Он говорит не хуже Гамбетты, а пишет, как сапожник. Но ведь и его может укусить муха?

² На все руки мастер... (фр.)

Могут ему ловко шепнуть через даму его сердца, что я недостаточно усердно мечусь в своей канцелярии и недостаточно проникнут его идеями... А он любит проникновение... Ведь могут?

– Ну, допустим, что могут...

– И тогда ваш покорный слуга на тротуаре. Ищи другого места, ищи нового принципала! Вот я и боюсь Проходимцева и вполне проникаюсь его идеями... А общественное мнение? – усмехнувшись, протянул молодой человек. – Какое мне до него дело? Что мне Гекуба, и что я Гекубе? Кто из мало-мальски неглупых людей боится его? Возьмите хоть Проходимцева! Разве его, нажившего два миллиона без вмешательства прокурорского надзора, общественное мнение преследует? Разве от него отворачиваются? Напротив! Его везде принимают с большим почетом. Он свой в обществе и выдаст дочь за испанского гранда... У него бывают, в нем ищут, его просят о местах. Его портрет с биографией помещается в «Ниве», и газеты не иначе упоминают его имя, как предпослав: «Наш известный железнодорожный деятель и истинно русский человек». Все знают, что его два миллиона не с неба упали, все помнят, как трепали, лет пятнадцать тому назад, его имя в газетах, и все тем не менее ласкают его, втайне завидуя ему, как умному человеку, который, так сказать, из ничтожества сделался тузом, избегнув бубнового туза на спине, и обеспечил себя и своих близких. Все это старо, как божий мир, и известно, как таблица умножения... А вы: боязнь

общественного мнения! Какое такое общественное мнение? Кого оно удерживает? Вон, взгляните на того толстяка с отвислой губой и с оголенным черепом, похожего на раскормленного борова, со звездой Льва и Солнца... Это крупный землевладелец в одной из южных губерний. Все знают, что сын его, юноша, застрелился, ужаснувшись действий отца... Конечно, психопат был... а дочь убежала... А посмотрите, как любезно все с ним говорят... И он, как видите, совсем не похож на кающегося... Посмотрели бы вы, какие он фестивали задает, приезжая по зимам в Петербург... Обеды – восторг.

– Вы бываете у него?..

– Бываю. Отчего ж не бывать? У него все бывают. А вон... на том конце стола... красивый молодой человек, такой здоровый и сильный, покручивающий усы... Разве его тоже преследуют, – продолжал мой собеседник, становившийся все более и более словоохотливым к концу обеда, после нескольких бутылок вина, – разве преследуют его за то, что он за приличный гонорар состоит в артирах? Его, не без некоторого основания, оправдывают отсутствием средств и необходимостью сделать карьеру при помощи чужой бабушки, если своей нет... Да и по правде сказать, если отрешиться от предрассудков, профессия как и всякая другая!.. Кому же, скажите на милость, мешает ваше так называемое общественное мнение? Кто только не плюет на него? – с циничным, откровенным смехом добавил молодой человек.

II

Кстати, надо его представить читателю. Рекомендую: кандидат прав и естественных наук Николай Николаевич Щетинников. От роду двадцать восемь лет, но его серьезный и строгий вид заставляет его давать больше. Сын небогатых и почтенных родителей, из захудалого дворянского рода, обожавших своего первенца и выбивавшихся из сил, чтоб дать ему образование и поставить на ноги. С отроческих лет подавал надежды, что не пропадет, и в гимназии слыл под прозвищем «бессовестного» за отвагу, с какою он разрешал разные этические вопросы. Учился отлично и, поступив в университет, окончил два факультета. Родителей почитал, получая ежемесячно по пятидесяти рублей, но считал отца порядочным дураком за то, что он, бывши одно время на хорошем месте, не сумел воспользоваться случаем и пребывал в бедности, а мать считал дурой за то, что потакала отцу в его, давно потерявших смысл, идеях. Еще в университете, слыша про чужие успехи, выработал теорию полной свободы личности делать то, к чему влекут желания, не стесняясь средствами, и эту теорию успешно оправдывал историческими примерами и ссылался на Шопенгауэра и Гартмана, которых изучал с удовольствием. В эту же пору он усвоил себе докторальный самоуверенный и несколько наглый тон и щеголял откровенностью мнений. Он говорил, что у молодого

поколения и иные изгибы мозговых линий (эту чепуху он, впрочем, вычитал в каком-то журнале), и особого устройства нервная система, и более чувствительная организация, в особенности желудка и кишечника, и следовательно, и иные задачи, чем у старого поколения. Надо принимать жизнь как она есть и не стесняться предрассудками и разными, по счастью, забывающимися словами. Бери от жизни всякий, что может, и думай лишь о себе. Успех оправдывает решительно все.

Все это он не без гордости называл «новым словом».

Надо сказать правду, это «новое слово», подкрепленное немножко философией, немножко историей, немножко естествознанием, немножко статьями распространенных газет и даже стихотворениями некоторых молодых поэтов, – хотя и всецело заимствованное у щетринского Дерунова, имело благодаря оскудению мысли и глухому времени успех среди некоторых товарищей, хотя их и шокировала, так сказать, оголенность этого нового слова. Молодость все-таки брала свое даже и у «молодых стариков», выроставших в неблагоприятных условиях. Но Щетинников именно хвастал этой самой наготой, называя ее доблестью независимого мнения. Внимательное наблюдение над жизнью еще более укрепляло его теорию и дало санкцию его вожделениям, и он вышел из университета вполне готовый для практической деятельности, лозунг которой: «Прочь предрассудки, и да здравствует бесшабашность!»

По окончании курса Щетинников мало-помалу прекратил переписку с родителями. Не было никакого расчета, ибо они, по недостатку средств, не могли ему больше помогать. Кроме того, отец надоедал ему разными вопросами о душевном его настроении и о планах будущей деятельности, – вопросами, которые представлялись молодому человеку совсем наивными, чтоб не сказать глупыми. А мать, кроме того, требовала длинных писем. Ему было не до писем. Он искал места.

Сперва он хотел было поступить в судебное ведомство, рассчитывая со временем быть отличным товарищем прокурора. На этом месте можно было, по его мнению, показать себя какой-нибудь пикантной обвинительной речью или лукавой прозорливостью в уловлении неосторожных сограждан, – недаром же у господина Щетинникова был такой мягкий, такой вкрадчивый баритон. Но, на великое счастье будущих клиентов будущего прокурора, судьба столкнула Щетинникова с Проходимцевым. Они познакомились, и молодой человек пришел в восторг от этого умного и превосходно говорящего дельца. В свою очередь и Щетинников понравился Проходимцеву. Он словно узнал в молодом человеке самого себя в молодости, с тою же отвагой и с тою же бесшабашной беззастенчивостью, но в улучшенном издании, дополненном образованием и научным обоснованием бесстыдства. И была еще разница: Проходимцев рассуждал и действовал исключительно как художник, не ведая дебрей науки, а только чутьем угадывая, где что плохо лежит, а Щетин-

ников – как трезвый мыслитель, по наперед составленному плану, без страха и сомнений.

Судьба Щетинникова была вскоре решена. Он поступил на службу к Проходимцеву и с тех пор служит у него. Он – член правления и управляющий делами Проходимцева. Кроме того, он секретарь дамского благотворительного кружка, член Общества мореходства и торговли и надеется, что звезда его поднимется высоко. У него на черный день уж есть десять тысяч. Он холост, выжидает богатой невесты и широкого поприща.

III

Щетинников положил на тарелку спаржи и принялся есть, запивая вином. Под шум многочисленных тостов в честь почтенного юбиляра, просидевшего двадцать пять лет на одном и том же кресле и ни разу даже не воспользовавшегося отпуском, несмотря на гнетущую боль в пояснице и вообще расстроенное здоровье – такова была любовь его к служебным обязанностям (обо всем этом, конечно, упомянули ораторы!), – Щетинников снова вернулся к прерванному разговору.

Несколько возбужденный после пяти бокалов шампанского и еще наглее щуря свои глаза, он сказал:

– Уж не называете ли вы общественным мнением газетную болтовню, – это ежедневное переливание из пустого в порожнее с более или менее пикантными faits divers³, скандалчиками и, подчас, игривыми фельетонами да руганью между собою журналистов? Не этой ли выразительницы общественного мнения прикажете бояться? Ха-ха-ха! Кого пугает отечественная пресса? Какого серьезного человека, понимающего, что он не актер и не певичка, которых можно пробирать на здоровье! Разве еще провинциальную сошку, какого-нибудь мелкого воришку, бездарных артистов, стра-

³ происшествиями (фр.).

дающих манией величия, молодых беллетристов да, по временам, самих же газетчиков, когда они вдруг почувствуют себя не на настоящем курсе для... для успеха розничной продажи... Они ведь народ пугливый... эти выразители общественного мнения... и доходами не брезгуют!

Щетинников помолчал, погладил свою выхоленную, благоухающую светло-русую бородку и заметил со смехом:

– Меня самого, я вам скажу, года два тому назад две-три газеты удостоили своим вниманием...

– Вас? За что?

– Да, видите ли, на работах при железной дороге в один прекрасный день обвалилась насыпь и... три человека рабочих были задавлены, а пять вытащены увечными... Дураки сами были виноваты. Я тогда имел главное наблюдение за работами. Проходимцев меня командировал из Петербурга. Ну-с, газеты, разумеется, обрадовались случаю. Не всегда же им представляются случаи, на которых можно разыграть, так сказать, героическую симфонию и в то же время не бояться никаких *largo*... ⁴ И завопили о том, что ваш покорнейший слуга да еще один техник виноваты и что следует нас по меньшей мере в места не столь отдаленные, благо мы с техником состояли на частной службе, и, следовательно, нас можно было, во имя торжества справедливости, посылать хоть на Сахалин без риска задеть чье-нибудь корпоративное самолюбие. И торжество справедливости, и надле-

⁴ Здесь промедлений затруднений (ит.).

жащий курс! Чего же более желать газетчику? А ведь есть дураки: верят, что это геройство! Ну и что же вы думаете, проиграл я от этой газетной травли? – внезапно обратился он ко мне.

– Не знаю.

– Напротив, даже выиграл в глазах моего патрона Проходимцева. Выиграл и награду получил. А вернувшись в Петербург, я вскоре познакомился с этим самым джентльменом, который посылал меня на Сахалин. Премилый человек... Мы с ним у Кюба завтракали и до сих пор сохранили приятельские отношения. Смеялся тогда, как узнал, что я тот самый, который и так далее... «Очень, говорит, рад что вы не на Сахалине. А я, говорит, рад был случаю... Как же: три убитых и пять раненых. По крайности, можно было не об Аркадии да Ливадии писать. И без того, говорит, вроде девицы легкого поведения... Строчишь неизвестно о чем и в каком придется тоне. Что, говорит, редактор велит, то и излагай, а редактор, в свою очередь, требует, чтобы было написано и весело, и с маленькой загвоздкой, и обязательно в истинно русском духе. Вот ты и изворачивайся с таким винегретом...» Неглупый малый этот публицист... Еще на днях приходил ко мне за даровыми билетами и жаловался...

– На что?

– Да на тяжесть своего ремесла... Прежде, говорит, хоть «жида» да «чухну» изо дня в день пробирали – всегда, значит, был материал, а теперь вдруг редактор приказал изъять

«жида» из повседневного употребления... Просто беда... Не придумашь, говорит, о чем и писать, чтобы было и весело, и патриотично, и с загвоздкой!.. – передавал Щетинников и при этом хохотал.

– Вы очень заблуждаетесь, воображая, что все журналисты похожи на вашего знакомого.

– Знаю-с. Есть разновидность, которая величает себя честными журналистами, – иронически подчеркнул Щетинников.

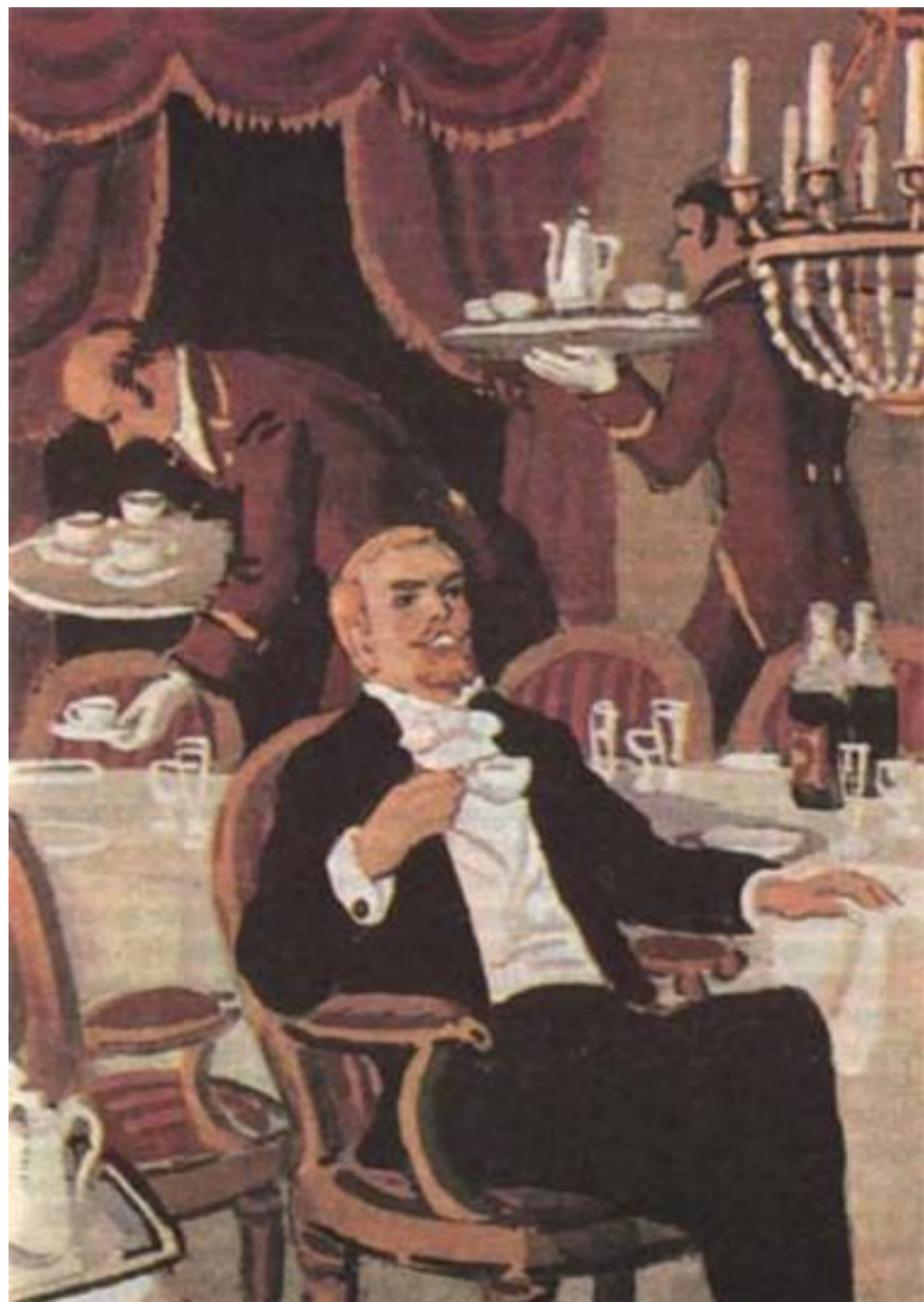
– А вы как их величаете?

– Порядочными таки болванами, вот как я их величаю, если вам угодно знать... Людьми предрассудков, совершенно отставшими от времени...

И после минутной паузы воскликнул:

– И после этого вы думаете, что кто-нибудь боится газетной болтовни? Боится газет? Нашли кого бояться! – с презрением прибавил Щетинников и велел подать себе шартрезу.

Тем временем юбиляр, окруженный толпой, перешел в другую комнату, и мы остались одни за столом.

Нам подали кофе. Щетинников закурил сигару.

Эта редкая, даже и в наши дни, откровенность молодого человека, несмотря на возбуждаемое отвращение, заинтересовала меня. Я знал Щетинникова, когда он еще был гимназистом, встречал его – редко, впрочем, – во времена его студенчества и, хотя много слышал о нем и об его «новом слове», тем не менее никак не ожидал встретить подобный расцвет открытого и словно бы гордящегося собой бесстыдства.

И, чтобы подразнить его, я заметил:

– Вы хвастаете. Наверное, и вы боитесь и общественного мнения и газет.

– Напрасно так думаете, – отвечал он, пожимая плечами. – Я никогда не хвастаю. Наплевать мне и на общественное мнение и на газеты.

– Так-таки и наплевать?

– Еще бы. Они не остановят меня от всего того, что я лично для себя считаю удобным. По-ни-маете ли, у-до-б-ным! – отчеканил он с самым наглым хладнокровием.

– А совесть, наконец?

– Совесть? – переспросил он и вслед за тем так весело и беззаботно залился своим пьяным смехом, что я, признаться, совсем опешил.

А Щетинников, словно наслаждаясь моим смущением, не спускал с меня глаз и после паузы отхлебнул ликера и, протяжно свистнув, продолжал:

– Стара, батюшка, штука... Эка что выдумали, какого жупела!.. Он, может быть, годится для вашего поколения, но не для нас... Совесть?! Это одно из тех глупых слов, которые пора давно сдать в архив на хранение какому-нибудь добродетельному старцу. Ха-ха-ха!.. Пилат, говорят, спрашивал: что есть истина? А я спрошу: что есть совесть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.